

К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЭПИЗОДА В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА КОРЕЙНЫХ НАРОДОВ КАМЧАТКИ)

Вариативность фольклорных текстов на один сюжет достигается за счет комбинаций определенного набора эпизодов. Перед нами стоит задача проанализировать, чем обусловлена допустимая вариативность эпизода, в чем проявляется и чем ограничивается повествовательная свобода рассказчика. Анализ базируется на сопоставлении 6 вариантов¹ сюжета о Тритон-Женщине.

Образная система данного сюжета имеет константные точки: в роли мужа всегда фигурирует Амамкут (Эмэмкут, Эмэмкутыклен), старший сын главного героя корякской и ительменской мифологии Ворона Куткынняку, в качестве соперницы – всегда Тритон-Женщина *Каманхнавт* [I, II], *Камингинаут* [III], *Камынгынавт* [IV], этимология имени: *катэпү-ηawət* ‘тритон-женщина’, в вариантах, записанных в с. Вывенка, соперница – Тритониха *Камэнгутэк* [V, VI], этимология имени: *катэпү-tək* ‘ящерица-NMLZ (номинализатор)’. С другой стороны, в пределах этого сюжета в рамках образной системы есть вариативная точка: в роли жены Амамкута (Эмэмкута) в разных вариантах фигурируют разные персонажи. В вариантах [IV, V] жена Амамкута – женщина по имени *Ирирвэ*, этимология имени неясна. В варианте [VI] жена Эмэмкутыклен – *Нэврыйттынианавт*, этимология имени: *nevrät-tini-ɬa-ηewət* ‘княжника – Тиния (имя собственное) – женщина’. В вариантах [I, II] жена Эмэмкута – *Марокльнавт*, этимология имени: *marokl'-ηawət* ‘черемша-женщина’. В варианте [III] жена Эмэмкута – *Калымарохлянав*, этимология имени: *kalə-marokl'ə-ηaw* ‘узор-черемша-женщина’. Несмотря на вариативность имени, роль данного персонажа в развитии сюжета постоянна.

В основе коллизии этого сюжета – подмена соперницей Тритон-Женщиной истинной жены Эмэмкута (Амамкута). Из 6 имеющихся в нашем распоряжении вариантов этого сюжета 3 текста опубликованы на русском языке [I, II, III]. Эти тексты не доступны нам в исходном виде (т. е. на национальном языке). По этой причине мы вынуждены опираться не на сами тексты, а на их переводы, но даже переводы позволяют исследовать основания вариативности. Сложность заключается в том, что, не имея подлинника (аудиозаписи) фольклорного текста, говорить о рассказчике можно только условно, подразумевая при этом не только рассказчика, но и переводчика, который, сообразуясь со своими субъективными взглядами, мог изменить (подкорректировать) оригинальный текст. При этом рассказчик, переводчик и даже

¹ Варианты сюжета о Тритон-Женщине (сопернице) обозначены римскими цифрами:

I – Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл. и прим. Г.М. Меновщикова. – М., 1974, № 185. (Текст записан В. И. Иохельсоном в 1910-1911 гг. в районе Хайрузово Камчатской обл., перевод с ительменского А.П. Володина).

II – Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл. и прим. Г.М. Меновщикова. – М., 1974, № 186. (Текст записан Е.П. Орловой в 1926 г. в с. Хайрузово Камчатской обл. от А.М. Шадрина, перевод с ительменского Е.П. Орловой).

III – Малюкович В.Н. Куткынняку. Сказки и мифы карагинских, апухинских, алюторских, анапкинских коряков. – Петропавловск-Камчатский, 2001. – С. 91 – 103. (Текст записан и переведен В.Н. Малюковичем в середине 1960-х гг., место записи, рассказчик не указаны).

IV – Архив А.А. Мальцевой, т. № 20. (Текст записан на алюторском языке экспедиционной группой ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Рассказала Мулинаут Д. А. 1918 г. р., уроженка с. Вывенка. Текст расшифрован с аудиозаписи и переведен на русский язык А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой).

V – Архив А.А. Мальцевой, т. № 36. (Текст записан на алюторском языке экспедиционной группой ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Рассказала Мулитка А.Е. 1926 г. р., уроженка с. Вывенка. Текст расшифрован с аудиозаписи и переведен на русский язык А.А. Мальцевой при участии А.Е. Мулитки).

VI – Архив А.А. Мальцевой, т. № 120. (Текст записан на алюторском языке экспедиционной группой ИФЛ СО РАН в с. Палана в 2004 г. Рассказала Белоусова В.К. 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Текст расшифрован с аудиозаписи и переведен на русский язык А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой).

литературный редактор не свободны в своем вмешательстве в текст фольклорного произведения. Изменения, вносимые в фольклорный текст, подчиняются определенными тенденциями.

Рассмотренные 6 текстов сильно отличаются друг от друга по составу и особенностям контаминации эпизодов. Но во всех этих вариантах сохраняется несколько устойчивых эпизодов, которые присутствуют в каждом тексте: [Тритон-Женщина насильно снимает одежду с жены Амамкута (Эмэмкута), надевает ее на себя и притворяется женой Амамкута (Эмэмкута)] → [Голая, оставленная в дикой тундре истинная жена Амакута (Эмэмкута) плетет себе и своему маленькому сыну одежду из травы] → [Маленький сын отходит от хижины и нечаянно попадает в жилище своего отца Амамкута (Эмэмкута)] → [Амамкут (Эмэмкут) признает своего сына и вместе с сыном возвращается к покинутой жене].

Помимо четырех узловых эпизодов в рассматриваемых вариантах сюжета о Тритон-Женщине (сопернице) встречается ряд вторичных эпизодов, модификация этого ряда обеспечивает вариативность сюжета в целом. Вторичные эпизоды не обладают той степенью устойчивости, которая гарантировала бы им неизменное присутствие в каждом варианте. Устойчивость узловых эпизодов непосредственно связана с их ролью в развертывании сюжета. Утрата устойчивого эпизода нарушает логику повествования.

Записанные в разные временные периоды, в разных поселках Камчатского полуострова варианты сюжета о Тритон-Женщине (сопернице) естественным образом различаются. Сопоставление идентичных эпизодов позволяет говорить о пределах свободы рассказчика. В связи с тем, что объем данной публикации ограничен, сопоставим варианты только одного эпизода из выделенных четырех устойчивых.

Начальный эпизод [Тритон-Женщина насильно снимает одежду с жены Амамкута (Эмэмкута), надевает ее на себя и притворяется женой Амамкута (Эмэмкута)] представляет собой завязку развития сюжетного действия. Сама сюжетная ситуация остается неизменной. Анализ вариантов позволяет говорить о том, что в корякско-ительменской повествовательной традиции рассказчик свободен 1) в детализации предметного мира описываемой ситуации, 2) в степени дробности изображаемого действия, 3) в процессе моделирования диалога персонажей, 4) в реализации желания мотивировать психологическое состояние персонажа. Кроме того, вариативность может возникать вследствие редукции (упрощения) текста, но в том случае, если этот процесс касается узловых для развития действия эпизодов, происходит нарушение логики повествования.

1. Детализация предметного мира. Предметный мир сказки может быть обрисован с разной степенью конкретности. Степень конкретности изображаемого в сказке предметного мира может варьироваться в зависимости от 1) индивидуальной повествовательной манеры рассказчика, 2) этнографических реалий предметного мира рассказчика.

Только он [Эмэмкут] ушел, вошла старушка Каманханавт [I].

Только Эмэмкут за дверь, она [Каманханавт] уже на пороге. Вошла [II].

Стала Камингинаут просить у нее старую кухлянку и меховой комбинезон – керкер [III].

А она [Тритон-Женщина] ее ногами под нарты засунула, ногами (затоптала) Княжнику-Тинианавыт. Снегом закидала [IV].

Изображение деталей не играет существенной роли в развитии сюжета (за исключением тех случаев, когда деталь функциональна), но проговаривание, верbalное обозначение любых деталей внешнего мира (дверь, порог, нарты, снег) способствует созданию эффекта внешней изобразительности, фактурности пространства. В корякско-ительменской повествовательной традиции нет устойчивой закрепленности сюжетного действия за деталями внешнего быта, рассказчик волен обрисовывать (или не обрисовывать) пространство с той степенью конкретности, которая ему кажется наиболее приемлемой.

2. Степень дробности изображаемого действия. Рассказчик волен изображать сюжетно значимое действие как более или менее дробное. Изображение рассказчиком мелких действий персонажа, необязательных для развития логики сюжета, может быть пропущено: Стали бороться, повалила старушка Марокальнавт. Сразу раздела, во двор вытолкнула [I]. Ее [Эсену Амамкута] притянула к себе Тритониха, сразу затоптала в снег. Затоптала в снег прямо с ребенком. И ее кухлянки надела. Пришла [IV]. Узловые действия в данных вариантах [I, IV] не обрисовываются детально, но это не мешает восприятию текста. С другой стороны, высокая степень детализации действий персонажа способствует созданию эффекта внешней изобразительности, реалистичности ситуации: Набросилась эта на нее. На Княжнику-Тинианавыт набросилась Тритон-Женщина. Сняла с нее всю одежду, которую носила Княжника-Тинианавыт. Сняла ее и надела на себя Тритон-Женщина. А ребенка за пазуху сунула, пока Эмэмкутыклэн не подошел. А она [Тритон-Женщина] ее ногами под наручу за-сунула, ногами. Княжнику-Тинианавыт. Снегом закидала [VI]. Степень эмоционального воздействия сказки отчасти связана с внешней изобразительностью эпизода, но не исчерпывается только детализацией (пространства или действия).

3. Мотивировка психологического состояния персонажа играет значимую роль в усилении эмоционального воздействия сказки на сознание слушателей. Психология персонажа вторична по отношению к сюжетному действию. Персонажи сказки – фигуры условные, степень их конкретизации зависит от индивидуальных наклонностей рассказчика. Персонаж настолько обладает психологией, насколько это актуально для рассказчика. Другими словами, у персонажа нет психологии. Психологическое обоснование действий персонажа является отражением индивидуальной повествовательной манеры рассказчика. Стремление изобразить психологию героя обусловлено неосознанным желанием рассказчика реалистично, а значит достоверно, представить ситуацию. Герою с осязаемой психологией сочувствовать более естественно, чем герою обрисованному условно. Ситуация из условной превращается в психологически достоверную. Варианты текстов доказывают, что в процессе изображения психологической мотивации поступков персонажей рассказчик свободен. В варианте [I] психологическая мотивировка действий персонажа отсутствует: Стали бороться, повалила старушка Марокальнавт. Сразу раздела, во двор вытолкнула. Сама надела одежду Марокальнавт, голову обвязала, легла, как будто больная. В вариантах [II] и [III] психологическая мотивировка существенно различается. В варианте [II] рассказчица все внимание сосредотачивает на психологическом состоянии жены Эмэмкута, психологическая доминанта в эпизоде сохраняется именно за этим персонажем: Стоит Марокальнавт, молчит, испугалась: знает – беда будет. <...> Стыдно стало жене Эмэмкута, что голая осталась, вышла она, села во дворе и заплакала [II]. В варианте [III] психологически доминирующая позиция закреплена за антагонистом – Тритон-Женщиной (Камингинаут). Только в одном варианте [III] актуализирована психологическая мотивация поступков Тритон-Женщины: Она [Тритон-Женщина] хотела поссориться с женой Эмэмкута – завидовала ее счастью [III]. Свобода рассказчика реализуется, во-первых, в выборе ракурса изображения психологических состояний персонажей, а во-вторых, в возможности акцентирования / нивелирования психологических состояний персонажей.

4. Моделирование диалога. В корякском и ительменском фольклоре от текста к тексту диалоги персонажей варьируются. Локальная фольклорная традиция Камчатского полуострова допускает достаточную свободу рассказчика в процессе моделирования диалога персонажей. Диалоги персонажей в идентичных эпизодах не повторяются, они каждый раз моделируются заново: – Садись, старуха! – Не хочу садиться, – сказала старушка. – Марокальнавт, сними одежду, я ее примерю. Марокальнавт сказала: – Я, бабка, никогда не раздева-

юсь! – Раздевайся! – Не разденусь, лучие другую одежду тебе принесу! – Которую носишь, ту примерю [II].

– Ну, садись, баба! Говорит Каманхавт: – Не сяду! – Штаны дай мне! – Не дам! [III].

– Я сейчас достану тебе новые одежды. – Нет, давай мне одежду, что на тебе! – требует Камингинаут. Она хотела поссориться с женой Эмэмкута – завидовала ее счастью. – Да нет! Одежда на мне поношенная, а я тебе новую дам, красивее и лучше [III].

5. Упрощение, редукция эпизода. В данном случае речь идет не об утрате деталей, а практически о полном исчезновении узлового эпизода, что влечет за собой нарушение логики развития сюжета. Редукция эпизода связана не столько с особенностями локальной традиции бытования, сколько с особенностями памяти рассказчика. Так, экспедиционной группой ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка записаны два варианта сюжета о Тритон-Женщине (сопернице). Эти варианты [IV, V] были зафиксированы в одно время и в одном месте, но от разных исполнителей. Варианты отличаются кардинально. В тексте, записанном от Д. В. Мулинаут [IV], все узловые эпизоды представлены с достаточно высокой степенью конкретизации: *С ребенком пошла [Ирирвэ] пить к ледяной реке. Ее притянула к себе Тритониха, сразу затоптала в снег. Затоптала в снег прямо с ребенком. И ее кухлянки надела. Кухлянки надела она. Пришла.* В варианте [V], записанном от А. Е. Мулинаут, эпизоды сильно редуцированы. Происходит нарушение логики сюжетного повествования. Вследствие практически полной редукции узлового эпизода поступки персонажей предстают как не вполне ясные: *Потом Тритона где-то увидел [Амамкут]. Женился на Тритоне. Оставил жену и ребенка* [V]. Редукция эпизода не связана с проявлением повествовательной свободы рассказчика. Цепкость памяти, склонность к восприятию, запоминанию, воспроизведению устного текста обусловлены индивидуальными психическими особенностями рассказчика.

Выявленный круг факторов, обуславливающих вариативность эпизода, не является исчерпывающим. Сопоставление как можно большего числа вариантов на материале разных культур позволит корректировать выявленные тенденции в зависимости от особенностей повествовательной традиции определенного этноса.

З.Б. Самдан (Кызыл, Россия)

СИНКРЕТИЗМ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ В ТУВИНСКОЙ МИФОЛОГИИ¹

Научная публикация текстов сказочной и несказочной прозы в томах тувинского национального корпуса серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»² подтверждает факт распространенности и живого бытования до современности архаической эпики тувинцев, что дает возможность для теоретического осмыслиения отдельных аспектов тувинской мифологии.

В традиционной мифологии тюрко-монгольских народов Центральной Азии, в том числе и тувинцев, наблюдается синкретизм различных религиозных верований. Своеобразием мифологических представлений тувинцев является сочетание в них мотивов, связанных с ранними формами религии и буддизмом. Религиозные взгляды тувинцев формировались под влиянием самых различных культур: в тувинской архаической эпике встречаются элементы древнетюркской, китайской, индийской, тибетской, монгольской мифологий. Развитая буддийская мифология проникла в Туву вместе с ламаизмом в XVIII в. Однако имеющиеся ма-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований, проект № 11-14-17004а/Г.

² Тувинские народные сказки / Сост. З.Б. Самдан. – Новосибирск: Наука, 1994; Тувинские героические сказания / Сост. С.М. Орус-оол. – Новосибирск: Наука, 1997; Мифы, легенды предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).